



ОДИССЕЙ

2006



2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

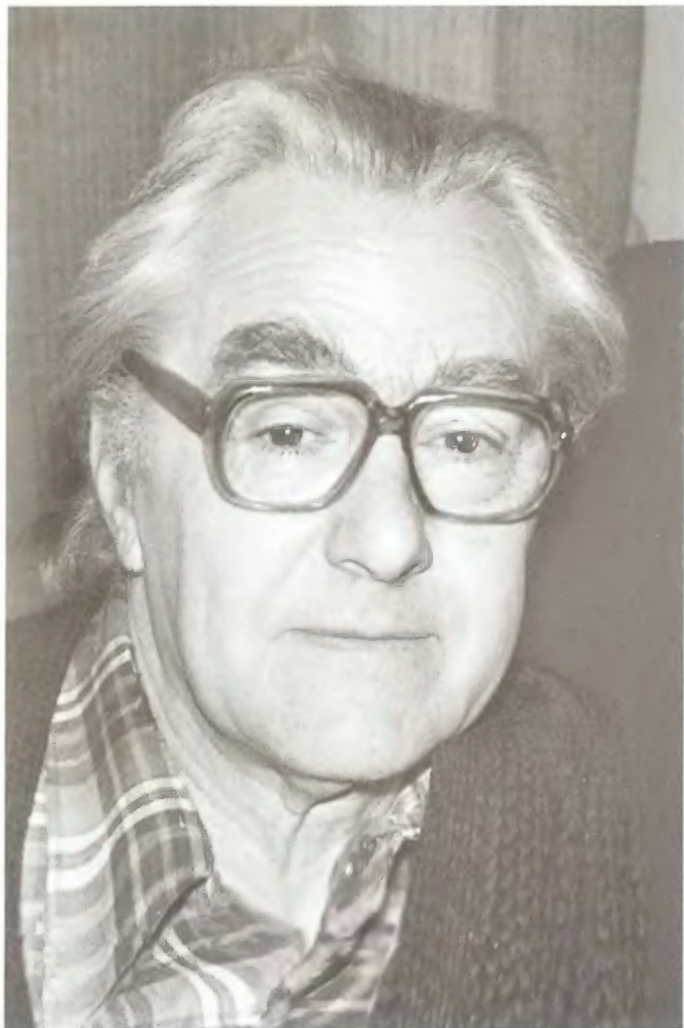
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции



НАУКА



Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY



ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006



MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006



МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

“THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY”: LANGUAGE NORM
SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-
CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE
METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSCHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY
BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM
AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE
CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN
EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (*translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev,*
notes by G.V. Bondarenko) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. “THE STORY OF EGMUND THE BEATEN
AND GUNNAR HALF-AND-HALF” (*translation and notes by Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE
CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО
МНОГООБРАЗИЯ”:

НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ
XIX в. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ

В том, что касается языка и его письменного отображения, нам сегодня кажется естественной нормативная ситуация, при которой всякий, кто закончил хотя бы среднюю школу, знает (или может узнать из словаря), что “так говорить/писать правильно, а так – неправильно”. И когда мы говорим, что то или иное слово “пишется” через ту или иную букву, сама формулировка вызывает у непосвященного впечатление, будто указанное написание внутренне присуще данному слову (подобно тому как “эта болезнь передается воздушно-капельным путем”). Лингвисты, однако, знают, что это не так: соотношение между звуками языка и знаками письма подчиняется конвенциям, которые в большей или меньшей степени обязаны своим возникновением и содержанием определенным социальным условиям. И современные орфография и орфоэпия почти любого живого языка представляют собой плод некоторой исторической эволюции.

В данной статье речь пойдет не о языках вообще, а конкретно о немецком литературном языке (Hochdeutsch). Нынешняя нормативная ситуация в нем кардинально отличается от той, в какой жило немецкое языковое сообщество еще лет 250 назад¹: тогда единого немецкого языка еще просто не существовало, слова произносились и писались на разные лады, и во многих случаях ни один из вариантов не мог претендовать на статус общепризнанной нормы. А в XX в. страны немецкоязычного ареала вошли уже с единым литературным языком, с единой, кодифицированной и обязательной для школы и администрации орфографией, с единым стандартом начертания букв и с зачатками нормирования произношения. За какие-то сто лет произошла почти полная унификация письменного и значительная – нормативного устного языка. Обстоятельства этого процесса и будут предметом нашего рассмотрения.

Не следует, однако, думать, что речь пойдет о вопросах исторической лингвистики. Моей исходной посылкой при исследовании заявленной проблематики является следующая: природа языковых норм (“правил”) и их социально-культурное значение суть феномены не универсальные и вневременные, а исторически сложившиеся и укорененные в конкретных культурных контекстах. Их формирование поддается плодотворному историческому изучению, причем не только в русле истории языка, но и как социально-культурный

процесс. Представляется возможным и важным выяснить, какие общественные силы были причастны к этому процессу, какие интересы и ценности ими двигали, в рамках каких социальных институтов он разворачивался и какие этапы проходил. Иными словами, орфографию и орфоэпию я буду рассматривать как социальные конструкции и, соответственно, описывать процесс их конструирования социумом.

Речь, таким образом, пойдет о становлении одного из аспектов общественного нормативного сознания; язык – одна из плоскостей, на которую проецируется это сознание. Как увидит читатель, в центре внимания будет стоять общество и царящие в нем ценности: я собираюсь предложить некоторые соображения о том, как могло сложиться массовое убеждение в том, что естественно и необходимо фиксирование и санкционирование – причем на государственном, законодательном уровне – норм, касающихся написания и произношения в немецком языке.

Важно с самого начала подчеркнуть, что создание единой немецкой орфографии и орфоэпии было именно процессом, а не актом, и являлось не в первую, а в последнюю очередь делом государственной власти. От общеизвестного факта, что после объединения германских государств в империю в 1870–1871 гг. правительство проводило усиленную политику унификации и интеграции, легко было бы перейти к тезису, что унификация в области языка была “просто” одним из элементов этой политики. Дело, однако, обстояло вовсе не столь просто. С одной стороны, нельзя не согласиться с Эриком Хобсбаумом, который пишет, что “каковы бы ни были мотивы целенаправленного конструирования языка или всевозможных манипуляций вокруг него, и какого бы масштаба ни достигали задуманные перемены, сила государства здесь абсолютно необходима”². С другой – такое радикальное нововведение, как установление всеохватной нормативной системы на пустом месте, не только было бы не под силу правительству, но и не входило никогда в его планы. Если и вышли – далеко не сразу, только на рубеже XIX–XX вв., – правительственные распоряжения, то они были подготовлены несколькими десятилетиями общественного и культурного развития. Должно было сформироваться и возобладать представление о необходимости и возможности выработки единообразных норм и их официального насаждения.

Формирование и утверждение таких представлений – процесс сложный и не поддается исчерпывающему описанию. Я надеюсь, что мне удастся указать на некоторые политические, экономические, социальные и культурные обстоятельства, которые, войдя в повседневный опыт множества людей, в совокупности своей способствовали или же противодействовали изменению господствующей

них ценностных ориентаций в немецком образованном обществе, на которые реагировало правительство. Причем происходило это не в вакууме, а во взаимодействии и конкуренции с другими существующими представлениями и ценностями. Поэтому я говорю не о “причинах” унификации, а о ее “общественном контексте”.

И тут сразу необходимо сделать очень важную оговорку относительно понятия “общество”. В XIX в. сословные и классовые различия и антагонизмы были столь сильны, что говорить о “немецком обществе”, которое включало бы в себя все население страны, не приходится. В рассматриваемых процессах активно участвовала преимущественно (если не исключительно) буржуазия, прежде всего так называемая буржуазия образования (*Bildungsbürgertum*): люди с высшим и средним специальным образованием, т.е. очень небольшим процент населения³. В основном это были преподаватели начальной, средней и высшей школы, интеллектуалы, ученые, литераторы, журналисты, книгоиздатели и политические деятели. Огромное же большинство населения – низшие слои бюргерства, крестьянство, рабочий класс, дворянство и духовенство – оказались затронуты этими процессами пассивно – постольку, поскольку дети из этих сословий в качестве учеников начальной и средней школы были вынуждены усваивать то, чему их учили.

* * *

Как сказал Леопольд фон Ранке, цель историка может заключаться либо в том, чтобы ввести в оборот новую фактическую информацию, либо в том, чтобы представить новый взгляд на то, что уже известно⁴. Очень многое из того, о чем здесь будет говориться, само по себе хорошо известно всякому, кто изучал историю Германии⁵. Я предлагаю свою интерпретацию этих сведений, соотнося их со своей проблематикой, хотя она и не привлекала к себе внимания тех авторов, на чьи работы я опираюсь.

I

Начнем с того, с чем немецкое языковое сообщество вошло в XIX век. Хронологически самым давним элементом описываемого общественного контекста можно, наверное, считать идейное, юридическое и политическое наследие Священной Римской империи германской нации. Хотя империя и перестала быть фактом истории в самом начале XIX столетия, за века ее существования у немцев сложились среди прочих следующие традиции и привычки мышления.

Партикуляризм. Для Священной Римской империи было характерно непрочное единство множества членов союза, в чем-то схожих, в чем-то различных между собою. Их интересы бывали частично общими, частично эгоистическими. В целях достижения общих или частных интересов, которые охватывали многие земли, постепенно создавались надрегиональные институты: валюта – талер, представительный орган – рейхстаг, средство надрегиональной письменной коммуникации – язык Hochdeutsch. Принцип, по которому внедрялись эти институты, можно свести к формуле: нечто единое, всеобщее вводится в *добавление* к разнообразию, а не *вместо* него, и утверждается оно в той мере, в какой в нем заинтересованы многие стороны. Этот принцип был характерен и для тех союзов, которые германские государства заключали между собой в период с 1806 по 1871 г. После воссоздания империи он был в значительной мере ослаблен целенаправленной объединительной политикой Бисмарка, но все же сохранился и по сей день в виде принципа политического и культурного федерализма.

Как привычка мышления партикуляризм выражался, в частности, в том, что порядки, бытовавшие в соседних государствах, охотно принимались к сведению и порой взаимно копировались, но различия между их культурными и юридическими установлениями рассматривались как нечто столь же естественное, как разница между диалектами, на которых говорили жители разных земель.

Тем самым мы переходим к следующему фактору – *языковому многообразию*. Как уже было сказано, в XIX в. германские земли вступили не единой “Германией”, а множеством крупных и мелких государств и диалектных ареалов. Различия между диалектами, причисляемыми к “немецким”, были столь велики, что жители разных районов страны без специальной тренировки едва могли понимать друг друга.

Единый, наддиалектный язык создавался в значительной мере искусственно – как язык художественной и научной литературы, театра, прессы, т.е. прежде всего как язык письменный, а уже во вторую очередь – устный. Нормы произношения и правописания для этого языка в XIX в. еще только складывались, и шли оживленные дискуссии о том, что считать правильным, а что неправильным, причем как в конкретных случаях, так и применительно ко всей языковой системе в целом. В германских землях вопросами языковых норм не ведала никакая единая инстанция, обладавшая властью или моральным авторитетом, подобным французской Академии⁶. Отсутствовал опирающийся на авторитет власти эталон, каким, например, служил в Англии “королевский” язык, считавшийся образцовым литературным языком. Становление норм, лексических и грамматических, происходило более или менее стихийно со времен Гу-

генберга, когда начали издаваться книги на народном языке, предназначенные для надрегионального рынка. На утверждение того или иного варианта в качестве общепринятого (или, скорее, наиболее распространенного) влияли и его приемлемость для максимального числа читающих и пишущих, и солидность изданий, в которых он использовался. Так, после Реформации среди протестантов огромным авторитетом обладали тексты Мартина Лютера, особенно его перевод Библии. Влияние лексики и орфографии книг протестантских авторов сказывалось, невзирая на конфессиональную вражду, и в католических землях, поскольку их собственная литературная продукция была значительно скромнее по масштабам.

В XVII в. получили распространение первые грамматики немецкого языка, насаждавшие как саму идею правильности/неправильности, так и конкретные указания надлежащих словоформ и их написаний. Указания эти, однако, во многом расходились, так как каждый автор возводил в ранг правил собственные представления, определявшиеся местом его рождения и вкусом. А кроме того, радиус действия этих учебников грамматики был невелик.

На рубеже XVIII–XIX вв. “Германия” оставалась сугубо культурным, причем еще очень зыбким понятием: ее составляли самое большее 300–500 тысяч человек, читавших изданные на Hochdeutsch книги⁷, но говорившие и писавшие очень по-разному. Классическая немецкая литература сочинялась еще в ситуации орфографической свободы: у Гёте, например, в рукописях написания слов сильно колеблются. И только в переписке с издателем он определял, что для печатания своих сочинений предпочел бы орфографию, рекомендованную Иоганном Кристофом Аделунгом – одним из авторитетнейших грамматиков того времени⁸. Гёте принимал за совершенно нормальное то положение, что можно по обстоятельствам выбирать из нескольких наличествующих орфографий.

Третий фактор – изменившиеся по сравнению с началом XVIII в. *отношения людей с письменными текстами*. В том, что касается пассивной грамотности, т.е. чтения, в Германии произошел капитальный сдвиг. В начале века чтение книг и прочих длинных текстов было обычным занятием только для клириков, студентов, профессоров и еще нескольких немногочисленных категорий людей, которые по самому своему образу жизни и занятий были связаны с письменным словом, в то время как подавляющее большинство населения либо не читало вовсе, либо ограничивалось чтением и перечитыванием одной-двух книг: Библии (протестанты) и катехистических произведений. Иными словами, взаимоотношения этих людей с письменными текстами в значительной мере (если не целиком) сводились к восприятию сакральных и близких к сакральным текстов, авторитет которых был слишком высок, чтобы обсуждать их орфографию.

Ко второй половине XVIII в. обычай читать и покупать книги бюргерской (особенно протестантской) среде приобрел значительный размах: нередким явлением стали домашние библиотеки, насчитывавшие по пяти–десяти и даже более томов, причем не только религиозного, но и светского содержания⁹. В дополнение к многократному почтительному восприятию одного религиозного текста пришла практика экстенсивного чтения нескольких, а порой и многих книг различной степени авторитетности. Таким образом, при растущем спросе на книги и повышенном объеме чтения пиетет перед книжным текстом стал относительно меньше¹⁰. Соответственно критичность в отношении к нему смогла возрасть. В XIX в. читающая на немецком языке публика вошла готовой к дискуссии о том, как улучшить письменность.

В том, что касается активной грамотности, конец XVIII и начало XIX в. тоже были временем перемен, поскольку в Австрии, а потом и в Пруссии, и во многих других немецких землях было введено обязательное всеобщее начальное школьное обучение. Количество людей, знакомящихся с письмом, с принципами, по которым устанавливались соответствия между звуками и буквами, стало быстро увеличиваться. Выросло и постепенно превращалось в отдельную индустрию производство школьных учебников – букварей, прописей и т.п. Вопрос, как писать то или иное слово – и почему именно так, а не иначе, – начал возникать повседневно в сотнях, а потом и в тысячах школ. Оказывались очевидны разноречия в книгах по обучению грамоте и проблематичность соблюдения старинного принципа “пиши, как говоришь”. Стали в массовом порядке возникать типовые дидактические проблемы. Постепенно накапливался и начинал подвергаться рефлексии опыт учителей, пытавшихся научить детей писать, и массовый опыт учеников, перенесших на себе тяготы этой учебы. Эпоха Иоганна Песталоцци и Фридриха Дистервега была эпохой зарождения современной образовательной системы с ее школьной программой, учебниками, отметками, экзаменами и прочими атрибутами, в которых орфография и орфоэпия стали постепенно играть все более важную роль.

Четвертый важный элемент рассматриваемого нами контекста – это унаследованная германскими землями от Римской империи *юридическая традиция*. В результате произошедшей в позднем Средневековье “юридификации” (*Verrechtlichung*) огромное множество отношений между индивидами и корпорациями в публичной сфере и даже поведение в приватной жизни стало регламентироваться фиксированными письменно правовыми нормами. Роль права как главного регулятора общественных отношений, причем как вертикальных, так и горизонтальных, была велика и возрастала с течением времени. Конкретное содержание законов могло со време-

нем гласно или негласно меняться¹¹, но это не подрывало авторитета их как института.

Соответственно, весьма распространенными практиками были отстаивание своих интересов и прав через суд, юридические консультации, формализованные процедуры дознания и правосудия. Отдельные люди и корпорации, от крестьян до целых государств, прибегали к помощи юристов – консультантов, нотариусов, адвокатов – не только в разрешении конфликтов, но и при ведении повседневных дел.

Для интересующей нас проблематики эта мощная юридическая традиция важна с двух точек зрения: во-первых, в среде немецкой буржуазии укоренено было уважение к законодательству; во-вторых, пользовалась большим спросом и престижем, хорошо оплачивалась и была весьма желанной профессия юриста. Она требовала университетского образования, поэтому доступ к ней был ограничен, и это, как мы увидим ниже, имело отношение к судьбе немецкой орфографии.

Далее, говоря о законах, я не случайно подчеркнул, что они в позднем Средневековье регулировали поведение индивидов в частной сфере. В раннее Новое время эта тенденция еще более усилилась: на историческую арену вышло “полицейское государство”, которое к своим средневековым функциям – сбору налогов и поддержанию мира в стране – добавило новые: постоянный контроль и регламентирование поведения своих подданных. Это – *Obrigkeitsstaat*, государство, начальствующее над подданными, опекающее, контролирующее и воспитывающее их¹². Посредством бесчисленных и подробнейших “регламентов” (*Ordnungen*)¹³ власти предписывали, как различным категориям подданных следовало одеваться, структурировать свое время, справлять праздники, продавать и покупать продукты, изустно выражаться, воспитывать детей и проч.

Независимо от того, насколько успешны были в каждом конкретном случае усилия властей по “социальному дисциплинированию”¹⁴, к XIX в. сложилась уже многовековая традиция подобных отношений между государством и подданными, и означала она не только приучение людей к тому, что государству до всего есть дело. Она знаменовала еще и появление профессионалов управленческой деятельности, институционализацию их в качестве особой категории населения – чиновничества. В Пруссии благодаря реформам барона фон Штейна чиновничество в XVIII в. превратилось в один из очень важных элементов социальной структуры (о нем чуть ниже).

Шестым фактором, действие которого все больше сказывалось в первой половине XIX в., стало постепенное усиление влияния Пруссии и ее порядков среди прочих немецких земель.

После разгрома Наполеона Священная Римская империя германской нации воссоздана не была, но интеграция бывших ее членов происходила в иных формах. Поначалу лидером интеграционного процесса еще выступала Австрия, ориентировавшаяся скорее на сохранение традиционного и партикуляристского строя. “Союзный акт”, ставший основанием Германского Союза в 1815 г., обеспечивал баланс интересов и сил участников и не допускал ни достижения каким-то одним из них безусловного главенства над остальными, ни с другой стороны, централизации и модернизации. Но в следующем объединение государств, Таможенный Союз 1834 г., Австрия уже даже не вошла. Вместо нее лидером интеграции стала оправившаяся после военного разгрома начала века Пруссия.

Эта страна имела сравнительно немногочисленное население, сравнительно слабую экономику и сравнительно невыгодное географическое положение. Для того чтобы обеспечить стране будущее, прусские короли сделали ставку на военную силу. В стране была создана огромная по численности, вымуштрованная армия, наделенная привилегированным статусом. В Пруссии был чрезвычайно высок престиж и авторитет военных и всего, что связано с их образом жизни и поведением. Буржуа почитали за честь приглашать офицеров на обед в свои дома.

В 1814 г. в Пруссии была введена всеобщая воинская повинность. На фоне недавно закончившейся освободительной войны против Наполеона это воспринималось¹⁵ в качестве залога свободы: каждый гражданин, отмечали многие политики и публицисты, должен быть солдатом; именно на этой его функции держатся и его личная свобода, и свобода страны.

В то же время буржуазия приветствовала введение всеобщей воинской повинности еще и как уравнивание ее в правах с дворянством под лозунгом “Закон один для всех!”. Лозунг этот, столь банально звучащий сегодня, на тот момент был в буквальном смысле революционным: принцип равенства был чужд сословному обществу до начала Нового времени, но после Великой Французской революции он становился всё более популярен в буржуазных слоях. В общественное сознание входило представление о “едином законе для всех” как о ценности. При этом “все” означало как “все сословия”, так и “каждый человек”, т.е. в единый ценностно (положительно) нагруженный узел связались притязания буржуазии на равноправное положение с дворянством и ее готовность принимать правила такого тотального института, как прусская армия с ее муштрой и обезличенностью.

Служа в армии, мужчины усваивали ценности *дисциплины и единообразия*. Высокий престиж военной службы способствовал тому, что армейские нравы одобрялись и в гражданской жизни, а провод-

никами этих нравов, наряду с офицерами, гостевавшими в домах Пуржуа, стали практически все здоровые мужчины, возвращавшиеся со срочной службы.

Помимо армии прусская монархия опиралась на созданный по новому образцу чиновничий аппарат. В нем действовал принцип жесткой субординации и беспрекословной дисциплины. Материальное положение чиновников было завидным – государство наделило их многими привилегиями, но вместе с тем требовало от них практически полного отказа от самостоятельности. Чиновники обязаны были носить униформу или по крайней мере одежду предписанного фасона, вся их деятельность регламентировалась подробными инструкциями (единообразие и подробность которых в течение XIX столетия возрастали); слуги государства не имели права самовольно менять место жительства, делать долги, играть на бирже, вступать во внебрачные сексуальные отношения, пьянствовать и позволять себе какие-либо другие вольности. Такая связка материального благополучия с железной дисциплиной обеспечивала сознательное принятие последней¹⁶.

Таким образом, нововведения, способствовавшие политическому и военному успеху Пруссии, способствовали одновременно торжеству таких ценностей, как единообразие, минимум самостоятельного мышления, всестороннее подчинение правилу, инструкции, распоряжению начальства.

II

Теперь посмотрим, какие дополнения и изменения произошли в рассматриваемом общественном контексте в середине XIX столетия.

Торжество малогерманского национализма. После поражения Австрии в войне 1866 г. упал ее авторитет и, соответственно, престиж великогерманской идеологии, в которой доминировала сильная традиционалистская и партикуляристская составляющая. Малогерманский же национализм, ориентированный на Пруссию, укрепил свои позиции в немецких землях.

Немецкий национализм¹⁷ пережил в XIX в. несколько всплесков – в ходе Наполеоновских войн, потом в 1840 г. в связи со спором о рейнской границе с Францией, затем во время революции 1848 г., по случаю празднования юбилея Шиллера в 1859 г., далее в связи с войной с Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна, наконец, во время Франко-прусской войны, – и в нем постепенно усиливались наряду с культурной унитаристская и милитаристская компоненты¹⁸.

Важнейшим устремлением этого национализма было объединение германских земель и создание единой нации. Именно тогда,

в начале 40-х годов XIX в., Гофман фон Фаллерслебен сочинил “Песню немцев”, где ставшие через сто лет печально знаменитыми слова “Германия превыше всего” имели еще не шовинистический смысл: они подразумевали, что единство Германии выше партикулярных амбиций множества государств, составлявших Германский союз¹⁹.

При этом важнейшей, если не единственной, силой, связующей немцев, немецкие государства, особенно после распада Священной Римской империи, считались немецкий литературный язык²⁰ и немецкая классическая литература. Поэтому дискуссии на темы языка вообще и унификации языковых норм в частности в определенной мере подпитывались энергией националистических чувств.

Политическая интеграция под гегемонией Пруссии. После победы над Австрией и аннексии Ганновера, Нассау, Гессен-Касселя, Шлезвиг-Гольштейна и Франкфурга-на-Майне Пруссия значительно увеличила свою территорию. Ее законы и порядки превратились в обязательные для гораздо большего числа представителей немецкого языкового сообщества. Создание Северогерманского Союза (1867), где Пруссия была самым крупным и сильным членом, означало дальнейшее усиление ее престижа и влияния. Благодаря присутствию гарнизонов прусской армии и направлению чиновников из центра в местные органы, прусский дух сказывался не только на законодательстве, но и на общественном климате в Северогерманском Союзе.

В то же время надо сказать, что если в северных, главным образом протестантских, землях прусское владычество и прусский дух распространялись теперь быстро, то южная Германия, состоявшая из стран поликонфессионального состава или преимущественно католических, взирала на этот процесс со смешанными чувствами. С одной стороны, многое отталкивало их: помимо религиозной розни, прусачество было чуждо более либеральным странам, таким как, например, Вюртемберг²¹; экономические связи южных стран заставляли их смотреть скорее в сторону Австрии, нежели на Северо-Восток. С другой стороны, пангерманские настроения набирали силу. Перспектива войны и затем собственно война с Францией привлекали симпатии и надежды населения южногерманских государств к Пруссии, а продемонстрированная ею в 1870–1871 гг. победоносная военная мощь убеждала в преимуществах прусской системы. Победы над Данией, Австрией и Францией означали триумф государства, построенного по модели армии.

Экономическая интеграция. Развитие товарооборота и дальней торговли постепенно (правда, очень постепенно!) способствовало распространению идеи об экономической выгоде единых мер, весов, валют и тарифов. Упрощение и унификация таможенных по-

шлин были осуществлены в Таможенном Союзе, а единая валюта и система мер и весов были введены в Северогерманском Союзе в 1868 г.²²

Здесь очень важно обратить внимание на коренное различие между надрегиональными конвенциями прошлого и тем, что устанавливалось теперь: Бисмарк ввел в Северогерманском Союзе единую валюту не *в дополнение* к местным, а *на смену* им. То же самое произошло с мерами и весами: местные, традиционные, были заменены едиными, причем не собственно прусскими, а метрическими, т.е. такими, которые были лишены локальной привязки. С новой системой все могли и должны были идентифицировать себя одинаково.

После 1871 г. эти же единицы были законодательно введены для всей новооснованной империи. В последующие годы неоднократно издавались поправки, касавшиеся “еще допустимых в общественном обиходе отклонений от абсолютной правильности”²³. Дело это было государственное, законопроекты вносил сам канцлер. Нормативы для тарирования измерительных приборов были очень точными, так что можно было с погрешностью всего в 2% отличить “правильное” от “неправильного”.

Индустриализация. Обратим внимание на некоторые следствия промышленного переворота, которые, как это ни покажется удивительным на первый взгляд, имеют важное значение для рассматриваемой темы.

На памяти двух поколений страна полностью преобразилась, превратившись в процветающую индустриальную капиталистическую державу, занявшую к концу века одно из первых мест в мире. Экономическая рациональность промышленного капитализма включает в себя, помимо прочих, следующие элементы:

Во-первых, проектирование, отчужденное от конкретного исполнителя и обязательное к одинаковому исполнению всеми работниками. Возникли новые отношения между производителем и продуктом: личный вкус, идеи, настроения, способности работника лишены в этой индустриальной модели права на участие в определении облика продукта. Изготовитель есть не создатель, а исполнитель технического задания.

Во-вторых, технологическая цепочка: в изготовлении продукта участвуют несколько разных работников, и ошибка на одном шаге предсказуемо отзовется проблемами на последующих шагах. Это относится не только к материальному производству, но и, например, к финансовой сфере. Различные кассы и банки жизненно зависели от того, чтобы каждый кассир и каждый счетовод с абсолютной точностью выполнял предписанные ему операции. Не то чтобы прежде аккуратность была в банковском деле менее ценна, но во вто-

рой половине XIX в. количество финансовых институтов и сложность их работы возросли во много раз, так что умножилось число ситуаций, когда ошибка одного дорого обходилась многим.

В-третьих: стандартизация, т.е. единообразие и высокая точность. В Англии в начале XIX в. и особенно начиная с 40-х годов стали изготавливать абсолютно одинаковые инструменты, в частности, измерители, точность которых составляла одну миллионную долю дюйма²⁴, и металлические детали машин. Такая унификация сильно облегчала строительство и ремонт кораблей, паровозов, оружия и прочей техники. К середине века общие идеи стандартизации снижали на островах уже повсеместное признание. Появлялись стандарты на размеры и форму деталей, на состав материала, на свойства твердых, жидких и сыпучих тел, на самые разные параметры, которые дотоле считались очень индивидуальными, переменчивыми и непредсказуемыми.

Германские инженеры, учившиеся в Англии, быстро перенесли идею стандарта в производство у себя на родине. Как и в Великобритании, стандартные детали и прецизионные инструменты нашли здесь применение прежде всего в строительстве железнодорожной техники, которое началось в то время²⁵.

Но помимо собственно промышленного применения они принесли идею стандартизации в умы образованных немцев. Через предпринимателей и инженеров, численность и престиж которых в середине века стали быстро расти, в сознание людей стало внедряться представление о полезности соблюдения при изготовлении любого продукта, в том числе и письменного текста, неких предзаданных единичных параметров, отклонение от которых, с одной стороны, измеримо, а с другой стороны – недопустимо.

Техника и новые отношения с пространством и временем. Не только точность измерения малых величин и стандартизация пришли в жизненный мир немцев с промышленным переворотом. Дальние расстояния и связанные с их преодолением новые горизонты открылись им, когда появились два революционных средства перемещения людей и информации: железная дорога и телеграф.

Первая немецкая железнодорожная линия была построена в 1835 г.²⁶, а к середине XIX в. общая длина железнодорожных путей в германских землях составила уже 6 тыс. км. После того как отдельные государства построили собственные железнодорожные сети, в 40–60-х годах началось соединение их воедино, строительство сквозных линий, особенно усилившееся, естественно, после создания империи. В 70-е годы железнодорожным сообщением были связаны Запад с Востоком: можно было без пересадки проехать от Ахена до Кёнигсберга, причем за очень короткое время, так как паровозы уже тогда развивали большую скорость.

Железная дорога, помимо своей модернизирующей роли и непосредственных коммерческих выгод, заняла важное место в картине мира немцев еще и в силу того, какую роль она сыграла в экономико-политическом и военно-политическом отношениях: она стала одним из важных средств объединения германских земель. Установление железнодорожного сообщения с соседними и дальними государствами значительная часть буржуазии приветствовала именно как средство приближения желанного национального единства²⁷.

В конце 50-х годов, когда прусский генеральный штаб возглавил Хельмут фон Мольтке (в 40-е годы бывший членом совета правления Берлинско-Гамбургской железной дороги²⁸), стали разрабатываться новые оперативные планы, в том числе и с использованием массовой переброски войск по железной дороге. Планы эти принесли блестящий успех. Победы Пруссии над Данией, Австрией и Францией были в значительной мере обеспечены двумя факторами: во-первых, детальным централизованным планированием операций, не оставлявшим никакого места ни случайности, ни личной инициативе командиров и солдат, и во-вторых – использованием железной дороги. Таким образом, ее авторитет оказался связан с авторитетом победоносной прусской армии, т.е. был обеспечен независимо от того, насколько каждый данный немец пользовался ею как видом транспорта.

Развитие железных дорог привело еще к нескольким важным для нашей проблематики последствиям.

Во-первых, возник и стал быстро расти спрос на специалистов. Это способствовало развитию начиная с 50-х годов системы профессионального образования²⁹ и формированию профессий, в которых ценятся точность и единообразие. Сказанное относится не только к инженерам, но и к чиновникам: администрация железных дорог стремительно бюрократизировалась и в последние десятилетия XIX в. стала ареной организационных нововведений, которые один из исследователей назвал образцом бюрократии в хорошем смысле: служащие железных дорог получали всё более всеохватные и скрупулезные должностные инструкции, построенные на принципе полного единообразия, максимальной формализации и рационализации³⁰.

Во-вторых, при перемещении в широтном направлении поезда быстро переносили людей в места, где время на их часах не совпадало с местным временем. Для упорядочения железнодорожных расписаний стало необходимо введение единой системы отсчета времени. Так постепенно, к концу 60-х годов, сформировалось представление о том, что даже время, которое не принадлежит никому и вместе с тем важно для всех, поддается регулированию, стандартизации, унификации посредством переговоров и указов³¹. Можно предста-

вить себе, какое это имело воздействие на картину мира людей: если такое можно делать со временем, то можно и с остальными нематериальными сущностями, в частности с языком.

В-третьих, посредством железной дороги усилилась дальняя миграция, и все больше людей стали сталкиваться с носителями иных региональных норм – в том числе языковых. Представления о том, как “говорят по-немецки”, все больше релятивировались. Консенсус – там, где он был, – разрушался, и актуальность введения единой нормы ощущалась все острее.

Другим важнейшим новшеством середины XIX в. стал телеграф³². Когда посылка телеграммы сделалась общедоступной платной услугой, был введен принцип оплаты за слово. В связи с этим стала ежедневно возникать ситуация, когда слитное или раздельное написание слов имело непосредственные последствия как для кошелька того, кто подавал телеграмму, так и для той службы, которая ее посылала.

Кроме того, возник большой штат телеграфистов и прочих связанных с телеграфом служащих, которые пополнили армию чиновников, чья деятельность подробнее регламентировалась должностными инструкциями³³.

Одним из важнейших факторов, определявших идейный климат эпохи, была *политическая реакция*, наступившая после поражения революции 1848 г.³⁴ Государство и церковь объединились в борьбе против “разрушительного либерализма”, стали активно насаждать среди подданных скорее верность традиции, нежели приверженность к инновациям, скорее послушание законам и властям, нежели самостоятельность и склонность к ответственному выбору.

Наиболее важным для нашей проблематики аспектом политической реакции середины XIX в. стала государственная школьная политика. Но прежде чем сказать о ней, необходимо обратиться к другой силе, оказывавшей в это время растущее влияние на школу: к науке. В эти годы формировалось *научное языкознание* и одновременно современная историческая наука, и обе они обладали в Германии огромным весом, так как играли (или, по мнению части интеллектуалов, призваны были сыграть) важную роль в идеологическом обеспечении единства немецкой нации. Филологи-германисты, многие из которых были университетскими или гимназическими преподавателями, активно высказывались в прессе по вопросам теории немецкого языка вообще и его орфографии и орфоэпии в частности.

Одной из ведущих была так называемая историческая школа в языкознании³⁵, среди наиболее видных представителей которой выделялся Якоб Гримм. Гриммовская программа германистики проникнута романтическим преклонением перед древневерхнемецкими литературными памятниками. Эпитеты “старинный” и “совер-

шенный” стали фактически синонимами в употреблении языковедов-романтиков. Современную ему немецкую орфографию Якоб Гримм яростно критиковал³⁶, называл “варварской” и выдвигал в качестве альтернативы ей более правильную на его взгляд “историческую” орфографию, т.е. такую, которая якобы существовала в средневековых текстах.

Работы Гримма спровоцировали большую дискуссию. Его сторону принял ряд германистов, в том числе Карл Вайнхольд, который в 1852 г. опубликовал работу “О немецком правописании”³⁷. Он назвал “вздором” предложение Иоганна Аделунга “пиши, как ты говоришь”, ибо это вело бы к тому, что слово *gut* в южной Германии стали бы писать *guot* или *guet*, в Верхней Саксонии *kud*, в Бранденбурге – *jud*, а Вестфалии – *chud*. Правописание, настаивал Вайнхольд, должно руководствоваться законом “пиши, как того требует историческое развитие новонемецкого языка”.

Горячие дискуссии по поводу реформ немецкой орфографии не ограничивались университетской средой. Гимназические учителя из числа приверженцев исторического направления стали приносить его принципы в гимназию, т.е. учить детей не той орфографии, которой их обучали прежде, что создавало для учеников трудности. Кроме того, эта была не та орфография, которую проходили их отцы, что вызывало растущее недовольство последних³⁸.

Но тут нужно обратить внимание на специфику ситуации: речь шла не о том, что Гримм и его последователи “противоречат правилам орфографии”, а о том, какая орфография лучше, какая хуже. Орфографий существовало множество, они назывались по именам авторов, их предложивших (готшедовская, аделунговская, гриммовская и т.п.). В словаре Гриммов даже приводятся примеры индивидуальных орфографий³⁹. Можно было сказать “у такого-то дурная/хорошая орфография”, как о почерке. Правда, различия между этими индивидуальными орфографиями были в середине XIX в. уже не очень значительны: они касались в основном написания существительных с большой или с малой буквы, употребления двойного *s* и *ß*, написания *th* в немецких и заимствованных словах, а также использования *h* для обозначения долготы гласного. И надо отметить, что Гримм, предлагая вернуться к якобы существовавшей в прошлом простой и логичной орфографии, ничего не говорил о том, кто и с какой степенью обязательности должен будет ее придерживаться. Этот вопрос его как исследователя не интересовал, а если сторонники несли идеи Гримма в школы и там их преподавали, то делали они это в силу своего индивидуального представления о правильности и своих учительских полномочий. Такая ситуация существовала еще на рубеже 50–60-х годов, потом стала быстро меняться, о чем пойдет речь ниже.

Наряду с ценностью, которую репрезентировал этот лагерь (исторически обоснованная правильность), существовала конкурирующая прагматическая ценность, характерная для индустриального века, – легкость обучения. Часть словесников, особенно школьных и гимназических преподавателей, выступала за упрощение немецкой орфографии, проявляя при этом больший или меньший радикализм⁴⁰. Этих реформаторов называли “фонетистами”: они предлагали приспособить латинский алфавит к фонетике немецкого языка, выбросив лишние знаки, добавив недостающие, чтобы по возможности достичь взаимно однозначного соответствия между знаком и звуком. Одним из их рупоров стал журнал “Реформа”, выходивший почти тридцать лет, но практического применения их новаторские принципы почти не нашли⁴¹.

Споры между сторонниками разных орфографий происходили в обстановке, когда существовал уже некоторый приблизительно установившийся узус, т.е. помимо предлагаемых ими систем была та, которой учились уже два-три поколения немцев. Недостатки, противоречия и пробелы этой традиционной орфографии можно было критиковать, но она обладала тем решительным преимуществом, что была освящена привычкой.

Таким образом, и “истористы”, и “фонетисты” с их требованиями реформы посягали на существующий порядок, что в обстановке политической реакции было встречено в штыки властями и лояльными к ним слоями в обществе. Власти, начиная от дирекций школ и гимназий и кончая министерствами, встали на защиту традиционно сложившейся нормативной системы (при всем ее несовершенстве) от реформаторских поползновений. Поскольку печать была им неподвластна, основной ареной борьбы стала начальная и средняя школа. К рассмотрению ситуации в школе мы теперь и перейдем.

Школа. В новых экономических, политических и демографических условиях немецкая образовательная система претерпела радикальные количественные и качественные изменения. Учительство стремительно профессионализировалось. Появилось в зачаточных формах педагогическое образование в форме “учительских семинаров”. К 50-м годам XIX в. подросло уже второе поколение выпускников этих семинаров. Однако в условиях политической реакции содержание учительского образования стараниями референта министерства Фридриха Штиля свелось тогда к преподаванию того, что способствовало “церковной жизни, христианской нравственности и патриотизму”; всё же, что относилось к теории педагогики, методике, дидактике, психологии, а равно классическая греческая и немецкая литературы, было строго запрещено как материи политически неблагонадежные⁴². Думается, вполне можно утверждать, что для судеб немецкой орфографии это имело не последнее значение, так

как вело к тому, что корни проблем, возникавших в преподавании предмета, представлялись заложенными в самом предмете, а не в способе его преподавания.

В 1866 г. был введен новый экзамен для преподавателей прусских гимназий, который был направлен на обеспечение их должной квалификации, но фактически проверялось на нем не общее образование и не педагогические способности, а вызубренное знание курса.

Середина XIX в. стала временем, когда школьное образование в Пруссии и многих других немецких землях было окончательно огуладарствлено: в 1856–1859 гг. компетентными правительственными ведомствами повсюду в школах и гимназиях были введены единообразные учебные планы и доктринальные предписания, контроль за исполнением которых был в гимназиях, впрочем, несколько слабее, чем в начальных школах.

Несмотря на свою многочисленность (к началу 70-х годов школьных учителей в одной только Пруссии было более 50 тыс.) и наличие осознанных профессиональных групповых интересов, преподаватели начальной школы были слабо организованы. В условиях реакции их организации и журналы, существовавшие до 1849 г., были закрыты, участие во “Всегерманском собрании учителей” было прусским педагогам запрещено, создание собственных организаций – тоже⁴³. В 1858 г. в своей речи в прусском ландтаге Штиль говорил, что одной из неперенных его целей было прекратить “эмансипацию учителей от авторитета власти”.

В материальном и в идейном плане ориентиром для учителей начальной школы были не столько гимназические преподаватели – выпускники университетов, часто обладавшие учеными степенями и сравнительно высоко оплачиваемые, – сколько низшие ранги чиновничества и низкое офицерство. “Армия” школьных учителей в Пруссии, а после объединения и повсеместно, действительно имела много общего с реальной армией – и в персональном, и в идеологическом отношении⁴⁴. Учителя, как и чиновники, обретали свое самосознание по преимуществу благодаря статусу офицеров запаса, приобретенному во время годичной службы. Про победу над Австрией было заявлено, что “войну выиграл прусский школьный учитель”: в этом свете легко представить себе, чему и как он учил детей.

Учить детей теперь стало тоже сложнее, чем прежде. Численность их увеличивалась по мере того, как рос слой промышленной и торговой буржуазии, слой чиновничества, слой инженеров и слой финансовых служащих. Эти слои поставляли все более многочисленный и смешанный контингент учеников, а затем и учениц в школы и гимназии⁴⁵. Социолектная и диалектная палитра стала пестрее: в классах сидели рядом выходцы из разных семей, уроженцы разных языковых регионов. Они говорили по-разному, им каза-

лись естественными и правильными разные способы произношения звуков, разные употребления слов и грамматических форм. Возникла потребность в новой легитимации норм. Попытки установления таковой на “исторических” или “фонетических” основаниях предполагали реформу существовавшей рыхлой и не оформленной традиционной орфографии, что оказалось неприемлемо для властей всех уровней.

Государство принимало меры по ограждению школьников от всего, что было нацелено на развитие у них способности и привычки думать. Министерские “Регулятивы”, подготовленные Штилем для начальных школ Пруссии в октябре 1854 г., предписывали учителю не иметь мнения, а иметь только должностные обязанности и воспитывать учеников только как христиан-протестантов и верных подданных прусского короля, но не как всесторонне образованных людей: “общечеловеческое образование” показало себя “недейственным и вредным”, поэтому предписывалось удалить из учебных планов все “лишнее, сбивающее с толку”, в частности грамматику. Подобное было характерно не для одной только Пруссии – в Баварии, например, тоже главной целью школы в 1851 г. провозглашалось воспитание в детях баварского национализма, а в педагогическом образовании указы 1850 и 1851 гг. вводили изменения, направленные на ограждение будущих учителей от “глупой гордости знанием”.

В качестве примера, позволяющего судить о ценностях, которые насаждались теперь в школах, процитирую воззвание “К родителям воспитанников Геттингенской гимназии” (июль 1848 г.): “...Учащейся молодежи нужно указывать на то, что кроме научного познания она должна стремиться также к нравственному совершенствованию и самостоятельности характера. Само собой разумеется, что разумное воспитание должно иметь эту цель перед глазами. Ясно и то, что молодежь только тогда обретет нравственную твердость и силу, если вовремя научится подчинять свою волю закону, который является ей в словах родителей и преподавателей, и будет с готовностью подчиняться необходимому порядку учебного заведения и жить в согласии с ним. С каждым шагом, который молодежь совершает в покорности разумному закону, она приобретает все больше нравственной силы, необходимой для способности к правильному самостоятельному выбору. Кто не научился вовремя повиноваться, тот не научится никогда владеть сам собой и тем более – повелевать как следует другими.

Но здесь как раз и заключена опасность для учащейся молодежи. Если вообще надлежащее послушание ей тяжело, то теперь еще более, чем когда-либо. Она хочет претендовать на свободу, какая приличествует взрослому мужчине, она хотела бы действовать с са-

мостоятельностью, к которой у нее нет способности и на которую у нее нет права. Исполнение требований, которые по необходимости к ней предъявляются, оказывается поэтому вдвойне и втройне тяжелым для молодежи, так как необходимости покорности закону больше, а воли и склонности к этому кое у кого гораздо меньше, чем раньше. Если принять во внимание еще и то, что молодежь подвержена также столь многим влияниям, ослабляющим намеренно или неумышленно ее уважение, любовь и доверие к тем, кто старается лишь содействовать ее истинному благу, то станет очевидным, какая опасность угрожает воспитанникам и нашего учреждения.

Поэтому... мы настоятельно просим родителей указать своим сыновьям на то, что... для того, чтобы с успехом закончить гимназию, они должны с безусловным доверием ввериться преподавателям”⁴⁶.

Одним из важнейших элементов социального контекста языковой политики стала сформировавшаяся в эти десятилетия система *экзаменов*. Цель ее состояла отнюдь не только в обеспечении высокого образовательного уровня выпускников. Экзамены – наряду с другими сложностями учебного процесса – приобрели роль социального фильтра.

Одним из результатов промышленного роста середины века стало укрепление позиций мелкой и средней буржуазии, которая вступила в конкуренцию за статус и за места на рынке труда с традиционными элитами. Стремясь сохранить свое положение в обстановке, когда происхождение уже не было его единственной гарантией, верхние слои сделали ставку на образовательный ценз как на фильтр, призванный отсеять пути вертикальной мобильности для их социальных конкурентов⁴⁷. Аттестат зрелости если не полностью сменил, то потеснил высокое происхождение в роли основного критерия при распределении жизненных шансов. Всё больше становилось должностей в управленческом аппарате и в армии, требовавших аттестата зрелости того или иного уровня. Рос спрос на среднее и высшее образование – не только и не столько на знания, сколько на свидетельства об окончании определенной ступени, дававшие право на поступление в высшие учебные заведения или на государственную службу. Поскольку рынок труда для выпускников высших учебных заведений в эти десятилетия стагнировал или расширялся очень медленно (в основном за счет роста бюрократического аппарата), усиливалась конкуренция за рабочие места, которая в ходе своего рода обратной цепной реакции вызывала конкуренцию за места на университетской, а до того на гимназической скамье (так как только гимназия давала право на поступление в университет). Нарастал конфликтный потенциал. Для регулирования нарастающей конкуренции в условиях правового государства были найдены инст-

рументы, позволявшие не только сравнительно объективно оценивать успеваемость учащихся, но и оспаривать впоследствии полученные оценки: контрольная работа и письменный экзамен⁴⁸.

Именно во второй трети XIX в. появляется более или менее единая и всеобщая практика контроля успеваемости школьников с выставлением им формализованных оценок за классные и домашние работы, за сочинения, диктанты, контрольные и экзаменационные работы. Именно эти оценки потом становились критерием при определении “зрелости” выпускника, что имело первостепенное значение для его будущей карьеры.

Но для выставления таких оценок (и апелляций по их поводу) необходимы были ясные, единые, фиксированные критерии, и тут огромную роль играло определение того, что правильно, а что ошибочно, и какова тяжесть той или иной ошибки. Так как узус часто бывал не жестким или не однозначным, то, чтобы было с чем сверяться, директора школ и особенно гимназий начали составлять орфографические справочники для внутреннего пользования, потом обмениваться ими, заимствовать их друг у друга. Движение преподавателей за кодификацию орфографии набрало такой размах, что стало предметом публичной дискуссии. Появились статьи в педагогической периодике и даже специальные журналы, в которых предлагались различные способы оценки орфографической правильности в диктантах и сочинениях. В этих условиях, когда реформаторские попытки филологов угрожали традиционному порядку, а потребности учителей подталкивали к систематизации аморфной нормативной системы, образовательные ведомства приступили к ее кодификации.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что элементы общественного контекста, на первый взгляд кажущиеся разрозненными, образовывали тесно переплетенный клубок: чиновники почтово-телеграфного ведомства привлекались на первых порах к службе на железных дорогах, поскольку там не хватало специалистов; армия теперь должна была сотрудничать с другими государственными учреждениями (такими как железная дорога и телеграф), поэтому ее офицеры становились сами в некоторой степени бюрократами; уволенные в запас военнослужащие вливались в ряды учителей, а выпускники школ и гимназий сдавали экзамены, чтобы стать военными; один и тот же человек, Мольтке, был и кумиром нации на военном поприще, и поборником как развития железнодорожного транспорта, так и его огосударствления; другой офицер прусской армии, Вернер Сименс, стал отцом немецкого телеграфа и многих других технических новинок; унификации тарифов на железнодорожные перевозки и телеграфные сообщения, как и школьных программ, были связаны с общей правительственной политикой унификации и ого-

сударствления, и т.д. и т.п. Одним словом, принципы единообразия, дисциплины и формализации входили в жизнь человека сразу с нескольких сторон.

III

Тенденции, наметившиеся в землях, подпавших под политическое или идейное влияние Пруссии, укрепились после создания империи, осуществленного на волне широких националистических настроений⁴⁹ и одновременно массового восторга по отношению к прусским успехам. Однако вскоре обнаружились и трудности объединительного процесса.

Создание империи. Роль государства. Требования объединения раздавались “снизу”, но образование империи было осуществлено “сверху”. Взяв дело объединения Германии в свои руки, правительство Бисмарка создало страну с прогрессивным экономическим укладом и консервативным, не ориентированным на реформы и динамику государственно-политическим строем⁵⁰.

Объединение, однако, еще не означало единства. Последнее складывалось очень трудно, так как реальная готовность бывших суверенных государств поступаться не только своей самостоятельностью, но и своеобразием оказывалась не всегда так уж велика, а население империи было раздираемо классовыми и идейными противоречиями. Внутренняя консолидация шла очень медленно, и центральная (а это значит – прусская: императором был прусский король) власть играла скрепляющую, руководящую и легитимирующую роль. Государство, вполне в духе позднего Средневековья, брало на себя очень многие функции, претендовало на роль “отца”, разрешавшего или, по крайней мере, оставлявшего за собой разрешение проблем и конфликтов, воспитывавшего подданных, управлявшего всеми процессами и ответственного за все.

Группы населения, не поддававшиеся быстрой интеграции в соответствии с установками авторитарного государства, – например, представители национальных меньшинств (французы, поляки, датчане, евреи), – при необходимости подвергались сегрегации и репрессиям. Носители политического инакомыслия (например, социал-демократы, политические католики) объявлялись “врагами империи”. Эта политика насаждала, как видим, все те же ценности, о которых уже шла речь выше: единообразие в мыслях и способах их выражения, в поведении, в лояльности властям преобладающим⁵¹.

“Культуркампф” 70-х годов XIX в. помимо всего прочего был борьбой Бисмарка против партикуляризма и за укрепление государственной власти в культурной и религиозной сферах. В частности, светская центральная власть окончательно отобрала у церкви надзор за школами. Школы и гимназии получили от государства задачу

(неоднократно повторенную в последующие десятилетия конца XIX – начала XX в.) воспитывать хороших подданных⁵², послушных властям и видящих в этом служение отечеству, развивать в них национализм (с этой целью школьный литературный канон был переориентирован с античных авторов на веймарских классиков немецкой литературы), волю и одновременно дисциплинированность. Таким образом эти ценности насаждались в буржуазной среде – даже в тех землях, где были более демократические, либеральные, парламентаристские традиции, как, например, в Бюртемберге.

В самых разных областях государственная интеграционная политика проводилась на общенациональном уровне по новой модели, принцип которой мы уже видели на примере валюты, времени, мер и весов: *единство* (империи, нации и всех ее институтов, понимаемых как сферы ведения того или иного правительственного органа) трактовалось как *единообразие*, т.е. вводилось не в дополнение к разнообразию, а взамен него.

Настроения в обществе. К сказанному выше о сочетании унитаристского, этатистского и милитаристского элементов в прусском национализме⁵³ можно добавить, что после объединения страны подобные настроения усилились и в других регионах Германии. Объединение не принесло того счастья, которое ожидалось. Следующей целью было провозглашено превращение Германии в мировую державу. А это означало, помимо всего прочего, наращивание военно-промышленного потенциала и его идеологического сопровождения, т.е. новый всплеск энтузиазма по поводу армейских и этатистских ценностей. Детские книжки с картинками, буквари и открытки конца XIX в. полны изображений детишек в солдатских касках, с саблями и ружьями. Гимназические сочинения (в части содержания писавшиеся практически по заданной колодке) пестрят фразами: “Война есть зло, но она же есть и добро, ибо очищает народ”, “Мы, немцы, – самый великий и самый образованный народ в мире” и т.п. Превосходство Германии над другими странами (прежде всего, по старой памяти, над Францией) виделось многим не только в гении немецких поэтов и мыслителей, но и в немецком солдатском духе исполнительности, педантизма и точности.

Идеология правительства пользовалась поддержкой не только армии, чиновничества и промышленной буржуазии, но и значительной доли буржуазии образования, профессуры. Часто энтузиазм этих слоев даже опережал правительственную политику. В вопросах языка государство испытывало некоторое идейное давление⁵⁴ со стороны школьных учителей и профессоров под лозунгом “единой Германии – единое правописание”: идеологические мотивы этого движения сплетались с профессиональным интересом педагогов, который заключался в том, чтобы получить из рук государства леги-

тимный единый стандарт, которого они могли бы придерживаться как в преподавании, так и в оценке знаний учеников.

Правда, нельзя сказать, что такие настроения были всеобщими. Порой предлагались и проекты, ориентированные на другие ценности: именно в конце XIX в. в городской среде развернулось то, что получило обобщающее название "движения за реформу" (Reformbewegung): поиски новых форм жизни и новых ее смыслов шли в разных сферах, таких как культура досуга, медицина, кулинария, архитектура и жилищное строительство⁵⁵, психология, педагогика. В это время зарождались идеи Рудольфа Штайнера, через некоторое время вылившиеся в концепцию "вальдорфских школ", и Георга Кершенштайна, создававшего свои "трудовые школы", педагогика Марии Монтессори и другие педагогические концепции. На рубеже XIX–XX вв. в нескольких европейских странах и в Северной Америке возникло широкое реформаторское педагогическое движение, и многие германские педагоги занимали место среди активных его участников⁵⁶. "Реформаторская педагогика" ставила своей целью внедрение в школу художественного воспитания, подчеркивала значимость совместного труда, настаивала на конфессиональной свободе школы, т.е. пропагандировала воспитание детей совершенно не в прусском духе. Преподавание грамматики и орфографии в этой концепции не играло существенной роли именно потому, что язык рассматривался как средство свободного самовыражения человека, а не как поприще овладения сложными и сухими правилами.

Однако подавляющее большинство школьных и гимназических преподавателей не склонны были даже публично обсуждать либеральные проекты. Характерно, что среди публикаций в профессиональной педагогической прессе за последние десятилетия XIX в. обнаруживается очень мало статей, в которых предлагаются или хотя бы рассматриваются такие методы борьбы с низкой успеваемостью учеников по правописанию, которые предусматривали бы больше мягкости, снисходительности и свободы в оценке письменных работ.

Законы, циркуляры и инструкции государственных органов приобретали в глазах буржуазии тем больший авторитет, что в них (а не в укреплении парламентаризма, например) многие видели спасение от анархизма, безбожия, нигилизма и прочих зол эпохи. Подчинение законам и государству имело в глазах очень многих представителей буржуазии "ценность для выживания". Поэтому введение законодательным путем единых норм для всего, в том числе и для языка, уже не всем казалось таким неприемлемым вмешательством государства в частную сферу подданных, как в середине XIX в.

IV

Итак, к началу последней трети XIX в. в сознание буржуазии образования уже основательно внедрились такие ценности, как единообразие и подчинение инструкции. Распространилась не просто привычка, но и желание иметь на все случаи официальный эталон, отступление от которого недопустимо. И потому инициатива по кодификации и унификации языковых норм, касавшихся орфографии, начертания букв и произношения, исходила *не от государства, а снизу*, от учителей, в меньшей степени – от книгоиздателей или ученых-германистов. Однако сторонники установления единых языковых норм апеллировали к государству как к высшей инстанции, которая должна была санкционировать то, что они считали правильным и необходимым для всех. Вот к чему это вело.

В *орфографии*: принцип *единства* стал главной целью в ущерб всем остальным. Это значило, что правила написания стремились сделать едиными не только для всех людей, но и для всех слов: был взят курс на последовательное устранение равноправных двояких вариантов написания.

После того или одновременно с тем, как профессиональные организации учителей стали выпускать сборники орфографических правил для отдельных школ или городов, соответствующие правительственные ведомства в германских землях начали составлять и печатать для школ “официальные”, утвержденные правительственной, а то и высочайшей инстанцией (т.е. в ряде случаев монархом) сборники правил правописания и орфографические словари. Первый официальный сборник правил со словарем вышел в Ганновере в 1855 г., потом в Вюртемберге в 1861 (и после реформы в 1883–1884 гг.), затем в Баварии в 1879 г. (баварскому своду правил был идентичен вышедший вскоре после него баденский). В Пруссии министерство по делам церкви, образования и здравоохранения в 1862 и 1868 гг. выпускало распоряжения, предписывавшие учителям придерживаться одной орфографии хотя бы в рамках одной и той же школы⁵⁷; в 1871 г. берлинский “Союз преподавателей гимназий и реальных школ” выпустил словарь и справочник по орфографии, который был тут же рекомендован для всеобщего употребления, а на его основе в 1880 г. вышел слегка переработанный официальный свод для всех прусских учреждений начального и среднего образования. При составлении этих нормативных текстов были отвергнуты “радикальные” принципы “истористов” и “фонетистов”, а зафиксировано было в основном то, что соответствовало сложившемуся узусу⁵⁸.

В этих орфографических словарях еще содержались десятки, если не сотни двояких написаний, которые были даны как равноправ-

ные, или же одно из них считалось предпочтительным, другое – допустимым. Потом началось стремительное искоренение этих двояких вариантов. В 1880 г. вышел первым изданием орфографический словарь Конрада Дудена (кстати, ректора гимназии)⁵⁹, постепенно ставший наиболее авторитетным справочником в этом вопросе. От издания к изданию Дуден последовательно искоренял двоякие написания. В 1901 г. организация книгоиздателей попросила Дудена выпустить специально для наборщиков словарь, где были бы даны единственные варианты для всех слов. Правда, и в этом “Дудене для наборщиков” двоякие написания в некотором количестве еще представлены. Впоследствии (1911) он был слит с основным словарем, что означало дальнейшее устранение двояких написаний. Это стало одной из основных тенденций в истории немецкой орфографии, сохраняющейся до наших дней.

Поскольку словари-справочники, выпущенные отдельными землями в 50–70-х годах, при всем своем сходстве, обнаруживали и некоторые расхождения, цель полной унификации оказалась еще далеко не достигнута. Поэтому, отвечая устремлениям ревнителей языка, прусский министр по делам церкви, образования и здравоохранения Адальберт фон Фальк созвал первую Орфографическую конференцию (1876), перед которой стояла задача выработать единую орфографию для единой Германии⁶⁰. Участвовали в ней всего 14 человек – преподаватели, германисты, представители книгопечатного и книготоргового дела и государственные чиновники⁶¹. Присутствовал, но не принимал участия в прениях начальник одного военного учебного заведения. Основная задача, которую решали участники, была не в том, чтобы выработать как можно лучшую немецкую орфографию, оптимизировав ее с рациональных позиций, а в том, чтобы найти, как можно меньше отступая от традиционно сложившегося, некий компромисс, приемлемый для всех.

Очень многим из того, что вошло в итоговый документ, сами его разработчики, особенно германист Рудольф фон Раумер, остались недовольны. Со своей профессиональной точки зрения они предпочли бы многое улучшить, но не стали этого требовать, опасаясь, что в таком случае общественность откажется принять их решения. В итоге зафиксировали, по возможности, то, что и так являлось более или менее общепринятым.

Однако решения этой конференции остались нереализованными, так как в прессе появились многочисленные протесты против новой орфографии, а правительства земель отказались издать соответствующие предписания для подчиненных им ведомств. Должно было пройти еще несколько десятилетий, прежде чем удалось осуществить затеянное на общегосударственном уровне.

Пока же, видя неуспех конференции, земельные министерства, не собирая новых форумов, подготовили и выпустили сборники правил и словари для своих территорий. Различия между ними были минимальны, так что некоторые земли перенимали их друг у друга.

Единая и обязательная для всех школ и административных органов орфография была выработана только в начале нового столетия. 17–19 июня 1901 г. в Берлине проходила вторая Орфографическая конференция (дебаты кончились уже 18-го). Среди 26 ее участников находились двое представителей книжной торговли, двое университетских профессоров, девять высокопоставленных чиновников от имперских и земельных правительственных ведомств и 13 школьных и гимназических учителей. Состав, как видим, ясно указывает на то, какие силы стояли за этим движением.

Никаких реформ конференция проводить не собиралась, ничего нового не ввела, а только утвердила отмену употребления *th* в словах немецкого происхождения и устранила еще несколько двояких написаний. Новый свод правил, который она приняла, в основном повторял прусский свод 1880 г.⁶²

Решения второй конференции поддержал в июле 1902 г. император. Он, правда, сделал оговорку, что в донесениях, подаваемых лично на его имя, разрешалось и далее использовать прежнюю орфографию.

После этого верхняя палата парламента рекомендовала соответствующим министерствам введение в землях разработанных правил. Таким образом, выработанный конференцией свод правил был введен по всей империи не законодательной властью (рейхстагом и бундесратом), а органами исполнительной власти, т.е. земельными правительствами, посредством административных циркуляров. И потому обязательными эти правила стали только для тех сфер, которые подчинялись правительственным ведомствам: главным образом это были начальные и средние школы плюс педагогические семинары (новая орфография вступала в силу с начала 1903/04 учебного года), а также административный аппарат.

За тридцать лет, прошедших после объединения, готовность к солидарному действию у земельных правительств стала выше: все они подчинились рекомендации бундесрата. В самом скором времени их примеру последовали правительства Австрии и Швейцарии.

Со вступлением в силу правительственных циркуляров 1902 г. на территории немецкоязычного ареала наступила эпоха официально предписанного орфографического нормативного единства, продолжавшаяся около ста лет – вплоть до последней реформы 1998–2005 г.

Критика официально утвержденной в начале XX в. орфографии не затихала на протяжении этих ста лет ни на минуту, предложения

по ее реформе разрабатывались и рассматривались многократно, реформы и реформы реформ проводились по крайней мере трижды, и только одно стало уже на долгие годы неосуществимо – либерализация, т.е. допущение различных написаний в качестве равноправных и толерантное отношение к нарушениям нормы⁶³. Причем дело было не в том, что государство так строго санкционировало эту норму, а в том, что в среде законопослушной немецкой буржуазии образования утвердилось убеждение, будто то, что написано в орфографическом словаре, имеет силу закона для всех. Даже если в предисловиях к словарям было сказано, что они содержат *рекомендации*, а не предписывают (да и не имеют права что-то предписывать⁶⁴) всем пользователям языка помимо школьников и чиновников, уже мало кто обращал на сие внимание. Нормативное сознание сложилось, и поколебать его смогли только революционные события 1968 г., но о них здесь говорить уже невозможно.

В *начертании букв* унификация шла сначала на уровне школ, потом – регионов, затем на общеимперском уровне. Например, на совместном заседании членов Королевской провинциальной школьной коллегии и советников по делам школ в провинции Ганновер под председательством обер-президента действительного тайного советника фон Лейпцигера 18 ноября 1867 г. в Ганновере один из членов коллегии указал на тот факт, что учителя начальных школ на уроках письма применяют множество различных форм начертания букв, а также на те нежелательные последствия, которые вытекают из этого, особенно при переходе учеников в другие школы и учебные заведения, ремесленные училища и т.п. Выступавший (фамилия его в источнике⁶⁵ не упоминается) внес ходатайство о том, чтобы Провинциальная школьная коллегия способствовала введению наконец единой формы начертания букв в педагогических учебных заведениях (к чему уже предпринимались несколько безуспешных попыток), а тем самым и осуществлению этого единства в начальных школах.

Коллегия с готовностью выразила согласие заняться этим делом, собрала отчеты на эту тему со всех директоров педагогических семинаров и образцы шрифтов из каждого семинара и “в различиях между способами начертания отдельных букв в разных семинарах увидела новый повод для того, чтобы способствовать *устранению необоснованного разнообразия* (курсив мой. – КЛ.). После тщательной подготовки и совещаний специалистов, с учетом исторического и генетического развития немецкого шрифта, а также с учетом законов красоты и простоты, требований легкости и результатов сложившегося повсеместно в школах узуса” Королевская провинциальная школьная коллегия в 1868 г. установила и ввела в педагогических семинарах нормативный шрифт (так называемый Normal-

Ductus) для немецкого (“готического”) и латинского алфавитов. В распоряжении по этому поводу говорилось, что коллегия тем самым “заложила фундамент, на котором в будущем будет вестись успешная работа по устранению неправомерного произвола и внедрению целесообразного, единого шрифта в школах”.

Такой шрифт в описанном идеологическом контексте мыслился только “национальным”, т.е. это был вариант готического курсива. Слова “целесообразный и единый” являлись скорее заклинаниями, чем объективной оценкой: по поводу целесообразности тех или иных начертаний велись оживленные споры, в которых привлекались порой и псевдонаучные аргументы⁶⁶, но главную роль играли ценностные ориентации оппонентов. А что касается единства, то детям так или иначе приходилось учить по восемь разновидностей для всех букв алфавита: печатные и письменные, прописные и строчные в латинском и готическом (немецком) вариантах. Латинский курсив в это время использовался и в немецких текстах – для выделения имен собственных, заголовков и некоторых других элементов, – поэтому нельзя сказать, что тот, кто писал только по-немецки, мог обходиться всего одним набором букв.

В конце 90-х годов XIX в. был введен единый для школ всей Германской империи так называемый “шрифт Зюттерлина”, названный по разработавшему его художнику-графику. Буквари, прописи и другие наглядные пособия постепенно (насколько позволяли технические и финансовые возможности) были приведены к новому стандарту, и дети учили шрифт Зюттерлина почти столетия, до 40-х годов XX в.⁶⁷

Начертание букв было делом национальной идентичности, причем перед нами здесь прекрасный пример “изобретения традиции”⁶⁸: как подчеркивал еще Якоб Гримм, так называемый “немецкий” (в русской традиции “готический”) шрифт на самом деле вовсе не являлся специфически немецким: он был распространен в Средние века по всей западной и центральной Европе; потом другие народы постепенно перешли на “антикву” и “гуманистический курсив”, а немцы этого не сделали. Гримм не видел в этом ничего хорошего, и в своем словаре (где придерживался к тому же орфографических правил собственного изобретения) он сознательно использовал “антикву”⁶⁹.

Движение за сохранение “немецкого” шрифта было организационно оформлено: в начале XX в. существовал “Союз в поддержку немецкого шрифта”, который рассылал повсюду письма с призывом использовать пишущие машинки с готическими литерами⁷⁰. Такие литеры почему-то так и не научились делать достаточно хорошо, поэтому рекламируемые машинки спроса не находили, а вся машинпись в Германии осуществлялась обычным латинским шрифтом

(зачастую даже без немецкой лигатуры β), в чем патриоты усматривали оскорбление и угрозу немецкому языку.

По иронии судьбы отменил “немецкий” печатный шрифт и письменный “шрифт Зюттерлина” не кто иной как Адольф Гитлер в разгар Второй мировой войны – на том основании, что покоренным народам следует облегчить изучение немецкого языка. Против этой реформы поднялся было протест под лозунгом “Быть немцем – значит быть верным!”, но тогда власти “третьего рейха” выдвинули железный аргумент, объявив готический шрифт “еврейскими” буквами. Этого было достаточно, чтобы заткнуть рот оппонентам⁷¹.

Помимо националистических и унитаристских ценностей графика была нагружена еще и ценностями моральными. Каллиграфии придавалось в школе очень важное воспитательное значение. Даже в эпоху, когда в делопроизводстве уже достаточно широко были распространены пишущие машинки, школьное начальство настаивало на том, что “хороший почерк – это лучшее рекомендательное письмо, с которым школа может выпустить в жизнь своих учеников”⁷². Дело было не только и не столько в прагматических качествах почерка – его читаемости, скорости исполнения или экономии бумаги, сколько в том, что занятия чистописанием приучали ребенка к дисциплине, воспитывали в нем “характер”, т.е. волю и исполнительность. “Плохой почерк должен рассматриваться как неуважение к учителю и как грубая леность со стороны ученика”, – подчеркивали инспекторы школ на протяжении всего XIX в., да и позже⁷³.

Нельзя сказать, что единообразие начертания было обеспечено полностью. Даже школьники невозможно было заставить всех писать одинаково. А вне школы немцы тем более позволяли и позволяют себе в почерке больше свободы, чем в правописании. Но санкционированная с помощью школьных отметок норма появилась – и стала активно применяться.

Последний аспект нормирования, который мы разберем, касается *произношения*. Как уже отмечалось, между немецкими диалектами существуют значительные фонетические различия, которые даже унификация орфографии не в состоянии полностью устранить: один и тот же письменный текст уроженцы разных мест прочтут вслух с разным произношением. В наше время диалектные фонетические особенности уже сильно сглажены за счет пространственной и социальной мобильности населения, а также под воздействием радио и телевидения, но все равно они еще весьма и весьма заметны. В XIX же веке находилось просто очень мало людей, которые говорили бы на Hochdeutsch без региональной окраски.

Усредненное, понятное людям в разных концах страны произношение раньше всего стали практиковать в театре: труппы, разъез-

жавшие по городам, должны были обеспечить себе внимание и понимание зрителей, если они не хотели ограничиваться локальным ангажементам. Кроме того, многие говоры обладали определенными статусными коннотациями, которых исполнители хотели избежать. Пусть Гёте говорил с гессенским, а Шиллер со швабским произношением, герои их исторических драм на сцене так говорить не могли. Постепенно сформировалось надрегиональное и к тому же особо четкое произношение, получившее впоследствии название “сценического”.

Но постепенно тема фонетических различий (и их устранения) была выведена за пределы сферы прагматики в сферу политики. Под лозунгом национального объединения – трактуемого как установление единообразия – стали раздаваться требования стандартизировать наряду с орфографией и орфоэпию.

В школе, а особенно в гимназии детей уже и в первой половине XIX в. учили говорить “правильно”, но представления о том, какое именно произношение наиболее верное, у преподавателей сильно разнились: на юге, например, некоторые считали, что *ei* и *ei* надо произносить одинаково, а на севере с этим никто бы не согласился. Идея единого эталона постепенно стала обретать контуры к концу 70-х годов XIX в., – как и в случае с письмом, прежде всего в головах учителей.

В связи с дискуссией о введении единой орфографии один депутат рейхстага заявлял в 1880 г., что если законодательный орган империи будет вдаваться в регулирование того, как людям писать, то скоро ему придется начать приказывать им, как говорить. Фраза была задумана, вероятнее всего, как риторическое преувеличение, но прошло время и к концу XIX в. предписания по поводу того, как говорить, были составлены. Правда, произношение не регламентировалось законами и инструкциями – книга, содержащая такие нормы, была выпущена в частном порядке. Это работа Теодора Зибса “Немецкое сценическое произношение. Результаты совещания по выравнивающему урегулированию немецкого сценического произношения...”⁷⁴

В докладе на этой конференции (1898) Зибс – уроженец Ганновера, германист, преподававший на тот момент в университете Бреслау, говорил: “Нам необходимо для преподавания определенное образцовое произношение, как необходимо оно и тем иностранцам, которые желают изучать немецкий язык. Каждый учитель хочет иметь возможность в каждом данном случае дать однозначный ответ. Но на что ему опираться при определении правильного произношения? Школа может только добиваться того, чтобы те или иные правила соблюдались, но сама она их формулировать не может. У нас вообще нет даже единой школы”. В качестве об-

разца для школы Зибс предлагал “принятое в драматическом театре немецкое сценическое произношение, которое считают обычно нормой для произношения немецкого языка. Но сценическое произношение не одинаково в разных регионах Германии и не во всех отношениях может быть одобрено с научной точки зрения. Поэтому из орфоэпических соображений желательнее введение для сцены и школы усредненного нормированного произношения, что тем более важно, поскольку в будущем улучшения орфографии с необходимостью будут базироваться именно на нем”. Прежде всего, говорил Зибс, необходимо:

“1. Выровнять различия в произношении между театрами верхне-, средне- и нижненемецкого языковых ареалов, будь то по образцу речи образованных людей или по историческим, или же эстетическим критериям;

2. устранить различия в произношении каждого данного звука в разных словах. Такие различия были созданы произвольно благодаря воздействию орфографии на произношение, и наука их отвергает”.

Если удастся устранить различия в произношении между театрами и в рамках каждой театральной труппы, отмечал Зибс, то “директора театров и артисты будут избавлены от многих неудобств и учителя получают ориентир”.

Подчеркнул он и политическое значение своего дела: “Всякий хороший немец, чьему сердцу дорого дело полного взаимного слияния наших племен, будет рад этому новому шагу на пути к полному объединению... Те, кто придает значение не только политическим, но и экономическим интересам, тоже поддержат это средство дальнейшей спайки Севера и Юга, ибо ничто не разделяет на сегодняшний день Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Германию сильнее, нежели язык. Тут, правда, было выдвинуто возражение: разве не следует уважать своеобразие диалектов и позволять им свободно развиваться? ... Даже если немецкие диалекты в самом деле пострадают от развития единого произношения по всей Германии, это не остановит нас на пути к нашей цели. Мы пожертвовали бы диалектами в интересах единого немецкого произношения, как ради единого немецкого письменного языка были принесены в жертву многие достоинства диалектной лексики – как срубают деревья в лесу, через который должна пройти железная дорога...”⁷⁵

Выпущенная в 1898 г. Теодором Зибсом книга выдержала множество изданий и постепенно стала эталоном для сцены, потом для радио и телевидения, а также в некоторой степени для школы, но происходило это медленно и почти без государственного вмешательства: если таковое и было, то только в XX в., во времена Веймарской республики, когда было выпущено правительст-

венное распоряжение, предписывавшее “сценическое произношение” в качестве общеобязательного⁷⁶. Действенность же этой нормы оказалась наименьшей из всех рассмотренных: диалектные различия произношения сохранились и по сей день даже в речи образованных людей⁷⁷.

V

Чтобы этот обзор общественного контекста языкового нормирования не выглядел однобоким, подчеркну еще раз факторы, оказывавшие действие в противоположном направлении, т.е. тормозившие те процессы, о которых шла речь выше.

Локальное своеобразие и традиции партикуляризма. Несмотря на объединение и на быстро шедшие процессы модернизации, урбанизации и индустриализации, на выравнивание законодательств и школьных программ, на массовую миграцию и другие унифицирующие факторы, Германия была в XIX в. и в значительной мере остается по сей день весьма неоднородным пространством в культурном и, в частности, в языковом отношении. Сохранение локального своеобразия представляло собой в сознании людей важную ценность, и это препятствовало полной унификации. В Южной Германии неприязнь к пруссачеству способствовала более сильной оппозиции тем нововведениям, которые исходили из Берлина. В рейхстаге католические партии противодействовали бисмарковской политике.

Культурный суверенитет земель. Даже после объединения в империю германские государства сохранили значительную долю суверенитета, и он, в частности, касался сферы образования. Поэтому школьные программы, учебные планы, учебники, наглядные пособия и многое другое хоть немного, но различались от земли к земле. Правительства согласовывали друг с другом многие пункты, но все же, как правило, не стремились к полному единообразию, если не имело на то конкретных веских причин. Решения первой Орфографической конференции 1876 г. не были реализованы не только из-за того, что общественность протестовала против конкретного их содержания, но и потому, что правительства земель оказались не готовы к такому единству действия, которое требовалось для повсеместного проведения реформы.

Ограниченность компетенции государственных органов. Нормы, касавшиеся языка, вводились не законами, обязательными для всех подданных государства, а ведомственными циркулярами, и потому действовали с юридической точки зрения только в тех сферах, которые подчинялись соответствующим ведомствам, т.е. главным образом в системе школ и административных органов. Частные из-

дательства, выпускавшие книги и периодическую прессу, правительству в этом отношении не были подчинены, и заставить их исполнять эти циркуляры было невозможно.

Разумеется, косвенным путем через школу и администрацию официальные нормы распространялись в образованном обществе, но тем не менее редакции газет и журналов, издательства и разные общественные организации на вполне легальных основаниях могли придерживаться своих собственных норм. Многие так и делали. Это, конечно, приводило к тому, что их печатная продукция меньше использовалась в школе, но в других нишах рынка они вполне находили сбыт. Наряду с орфографическим словарем Дудена, завоевавшим себе постепенно главенствующее положение, существовали и существуют другие, конкурирующие словари с иными правилами, иными написаниями одних и тех же слов.

Отсутствие единой государственной политики. Категорию “государства” мы использовали до сих пор, не обращая внимания на ее собственную проблематичность. Государство, однако, не представляло собой монолита, внутри него имелись разные ветви власти, различные ведомства и разнообразные идейные лагеря. Одно ведомство (как, например, имперское почтовое министерство) предпринимало попытку ввести в качестве общеобязательной орфографию Гражданского кодекса, другие же могли этому противодействовать. Личные пристрастия министров и границы компетенций представляли собой джунгли, в которых с трудом могла пробить себе дорогу единая политика. Одно время даже существовала парадоксальная ситуация, когда в прусских школах уже действовали правила, введенные в 1880 г., а в административных органах Бисмарк под угрозой наказания запретил следовать этим правилам, и там действовала другая орфография. Чиновникам приходилось официальные тексты писать по одним правилам, частные же – по другим (более привычным). Различия были невелики, но они имелись, и все о них знали. Дело это разрослось до масштабов политического скандала. Аргументы канцлера выдвигались как юридические (указ прусского министра культуры для школ не мог быть обязательен для других прусских, а тем более для имперских ведомств), так и политические: Бисмарк считал новые правила “никчемным стеснением личной свободы”⁷⁸.

Многие другие государственные деятели тоже не разделяли вышеописанные ценностные представления и имели иные точки зрения по вопросу о том, каким образом и в какой мере государство может и должно воздействовать на язык. Например, на заседании рейхстага в апреле 1880 г. депутат Штефани заявлял, что официально утвержденные школьные орфографии не нужны, так как “было бы проще простого, нисколько не вторгаясь в гражданскую

сферу, запретить учителям в школах... отступать от того, что принято в образованных кругах". Сохраняющиеся двойки написания отдельных слов не вызывают в Германии ни малейшего возмущения, продолжал он, "потому что Германия хочет, чтобы индивидуальность каждого свободно развивалась, и ничего не имеет против того, чтобы эта разница индивидуальностей находила свое выражение и в языке, и в его написании". А депутат от центра (т.е. католической оппозиции, с которой Бисмарк боролся в годы "культуркампа") Райхенспергер взывал к коллегам: "Давайте же не будем заходить по пути регламентирования и централизованного еще дальше, чем мы уже зашли в столь многих областях". Этот путь, предостерегал он, приведет к тому, что рейхстагу придется принимать "постановления о том, как надо произносить слова в тех или иных частях страны или во всей стране". Это опасение (вполне обоснованное, как показали дальнейшие события) Райхенспергер обосновывал тем, что "всё движение" за единую и предписанную государством орфографию есть "на самом деле специфически учительское" предприятие. А юрист и историк Трейчке подчеркивал, что следовать в этом вопросе за учителями – это все равно, что в вопросе о налогах и пошлинах прислушиваться к мнению одних только предпринимателей⁷⁹.

* * *

Резюмируя всё сказанное выше, можно отметить, что не только и не столько имперская политика властей после 1871 г., сколько ряд разнородных политических и экономических тенденций XIX столетия образовали тот общественный контекст, в котором соответствие официально утвержденным правилам и единообразие стали самостоятельными ценностями, не нуждавшимися более в специальном обосновании. В образованном обществе оказалось возможным и естественным представление, что "необоснованное многообразие" в письменном отображении языка подлежит искоренению путем административных циркуляров и что единая и государственно санкционированная норма предпочтительнее, чем свобода выбора, индивидуальность или прагматическая рациональность.

¹ Если здесь речь идет только о немецком языковом сообществе, то это не следует понимать так, будто описываемая ситуация была уникальна: во многих других странах Европы, в том числе и в России, наблюдались во второй половине XVIII – начале XX в. во многом сходные явления и процессы. О формировании русской орфографической нормы только что вышла прекрасная работа: *Григорьева Т.М.* Три века русской орфографии. М., 2005.

- 2 Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 179.
- 3 См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 97; Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1995. Bd. 3: 1849–1914.
- 4 von Ranke L. Englische Geschichte / Hrsg. W. Andreas. Wiesbaden, 1957. Bd. 1. S. 5.
- 5 Новые обзоры германской истории второй половины XIX в. в сжатой и доступной форме можно найти в кн.: Матвеева А.Г. Германская империя 1870–1914. М., 2002; Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004. С. 89–133.
- 6 О том, что хорошо бы немцам последовать французскому примеру, писал Лейбниц: См.: Leibniz G.W. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache. Stuttgart, 1983. S. 17.
- 7 Вплоть до начала XIX в. суммарный тираж всех произведений Гёте и Шиллера составил не более 100 тыс. экземпляров. См.: Wehler H.-U. Op. cit. 1987. Bd. 1: 1700–1815. S. 305.
- 8 von Goethe J.W. Briefe // Idem. Werke, Weimarer Ausgabe. München, 1987. (8. Nachdr.) Bd. IV. S. 388.
- 9 О домашних библиотеках XVIII и начала XIX в. см., например: Медик Х. Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748–1820) // Прошлое – крупным планом: современные исследования по микроистории / Под общ. ред. М. Крома, Т. Зоколлы, Ю. Шлюмбома. СПб., 2003. С. 181–222. Нельзя сказать, что пример лайхингенских пиетистов типичен для всех жителей Германии в то время, но эта проблематика автором учитывается.
- 10 Engelsing R. Zur Sozialgeschichte deutscher Mittel- und Unterschichten. Göttingen, 1973. S. 136 u. folg.
- 11 См., например: Algazi G. Lords Ask, Peasants Answer: Making Traditions in Late Medieval Village Assemblies // Between History and Histories / Ed. G. Sider, G. Smith. Toronto, 1997. P. 199–229.
- 12 Об усилиях и неудачах государственной регламентации в таких областях, как торговля и супружеские отношения см.: Левинсон К.А. Чиновники в городах Южной Германии XVI–XVII вв.: опыт исторической антропологии бюрократии. М., 2000. С. 49–61.
- 13 Примеры таких регламентов см.: Dillenburgische Brotkaufs-Ordnung von 1487 (Text) // Alt-Nassau. 1906. N 11; Ewald M. Polizei-Verordnungen für die Stadt Frankfurt am Main: 3. Aufl. Frankfurt a. Main, 1906; Polizei- und Landesordnungen / Bearb. von G.K. Schmelzeisen. 2 Bd. Köln, 1968–1969.
- 14 Теория “социального дисциплинирования” связана прежде всего с именем Герхарда Эстрайха. См.: Oesterich G. Policy und Prudentia civilis in der barocken Gesellschaft von Stadt und Staat // Idem. Strukturprobleme der frühen Neuzeit. Ausgewählte Aufsätze / Hrsg. B. Oestreich. B., 1980; Breuer S. Sozialdisziplinierung, Probleme und Problemverlangerung eines Konzeptes bei Max Weber, Gerhard Oestreich und Michel Foucault // Soziale Sicherheit und soziale Disziplinierung / Hrsg. Ch. Sachße, F. Tennstedt. Frankfurt a. M., 1986.
- 15 Сведения в этом и следующем абзацах из кн.: Mürmann A. Die öffentliche Meinung in Deutschland über das preussische Wehrgesetz von 1814 während der Jahre 1814–1819. Leipzig, 1910. S. 27 u. folg., 98 u. folg.

- 16 См.: *Süle T. Preußische Bürokratietradition. Göttingen, 1988. S. 167 u. folg., 43 u. folg.*
- 17 По этой проблематике существует огромная литература, из которой для нашей темы имеют значение прежде всего работы: *Андерсон Б.* Указ. соч.; *Хобсбаум Э.* Указ. соч.; *Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; The Formation of National States in Western Europe / Ed. C. Tilly. Princeton, 1975.* Здесь нет возможности вдаваться в дискуссию о природе национализма вообще и немецкого в частности. Не присоединяясь ни к одной из сторон в споре о том, является ли нация порождением национализма или наоборот, я говорю здесь лишь о том, какие ценности были связаны с малогерманским национализмом.
- 18 См.: *Шульце Х.* Указ. соч. С. 85 и след., 98.
- 19 См.: Там же. С. 86.
- 20 О том, что именно языку было суждено превратиться не только в связующий элемент одной или нескольких наций в конкретных случаях, но стать ядром самого определения нации в современную эпоху, см.: *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 95.
- 21 См.: *Langewiesche D. Liberalismus und Demokratie in Württemberg zwischen Revolution und Reichsgründung. Düsseldorf, 1974.*
- 22 См.: Maß- und Gewichtsordnung vom 17.8.1868.
- 23 См.: Gesetz vom 11. 7. 1884, betreffend die im öffentlichen Verkehr noch zu dulddenden Abweichungen von der absoluten Richtigkeit..., а также: Die Maß- und Gewichtsordnung für den Norddeutschen Bund vom 17. August 1868 nebst den dieselbe abändernden und ergänzenden Gesetzen vom 11. Juli 1884 und vom 26. April 1893; Das Gesetz, betreffend die Einführung der Maß- und Gewichtsordnung für den Norddeutschen Bund vom 17. August 1868 in Bayern vom 26. November 1871; Das Gesetz, betreffend die Einführung der Maß- und Gewichtsordnung vom 17. August 1868 in Elsaß-Lothringen vom 19. Dezember 1874, и др.
- 24 См.: http://www.explorebiography.com/business_figures/J/Joseph_Whitworth.html.
- 25 См.: *Rübberdt R. Geschichte der Industrialisierung. Wirtschaft und Gesellschaft auf dem Weg in unsere Zeit. München, 1972. S. 81 u. folg., 355.*
- 26 О развитии железнодорожного транспорта в германских землях и в меньшей степени о социальных, культурных и политических последствиях этого процесса см.: *O'Dell A.C. Railroads and geography. L., 1956; Rübberdt R. Op. cit. S. 81–85.*
- 27 *Langewiesche D. Op. cit. S. 69.*
- 28 Здесь и далее в этом абзаце я опираюсь на кн.: *Showalter D.E. Railroads and Rifles. Soldiers, Technology, and the Unification of Germany. Hamden, 1975. P. 14, 29 ff.*
- 29 *Ibid. P. 33.*
- 30 *Süle T. Op. cit. S. 43 u. folg.*
- 31 Ср. слова Гейне о железных дорогах, сказанные уже в 1843 г.: “Какие перемены должны теперь наступить в наших воззрениях и наших представлениях! Поколебались даже основные понятия о времени и пространстве”. Эта цитата и множество интереснейших соображений по

поводу восприятия железных дорог людьми XIX в. содержатся в ст.: Козлов С.Л. Крушение поезда: Транспортная метафорика Макса Вебера // Новое литературное обозрение. 2005. № 71. С. 7–60 (цит. с. 23). См. также: Schivelbusch W. Geschichte der Eisenbahnreise. Zur Industrialisierung von Raum und Zeit im 19. Jahrhundert. Frankfurt a. M., 2005 (1. Aufl. München, 1977).

³² Rübberdt R. Op. cit. S. 94.

³³ Süle T. Op. cit. S. 44 u. folg.

³⁴ Подробнее см.: Wehler H.-U. Op. cit. Bd. 3. S. 401–414; Шульце Х. Указ. соч. С. 89–105.

³⁵ По истории немецкого языкознания XIX в. вообще и орфографических дискуссий в нем в частности существует большая литература. Вместо множества работ назовем: Moser H. Deutsche Sprachgeschichte: 6. Aufl. Tübingen, 1969; Eggens H. Deutsche Sprachgeschichte. Reinbeck bei Hamburg, 1986. Bd. 2. В остальном см. библиографию в раб.: Schlaefer M. Kommentierte Bibliographie zur deutschen Orthographietheorie und Orthographiegeschichte im 19. Jahrhundert. Heidelberg, 1980. Но наиболее удобный с точки зрения рассматриваемой проблематики обзор представляют ст.: Idem. Grundzüge der deutschen Orthographiegeschichte vom Jahre 1800 bis zum Jahre 1870 // Sprachwissenschaft. 1980. N 5; Idem. Der Weg zur deutschen Einheitsorthographie vom Jahre 1870 bis zum Jahre 1901 // Sprachwissenschaft. 1981. N 6. См. также книгу, которая написана человеком, стоящим вне филологической дисциплины, – правоведом Вольфгангом Копке: Kopke W. Rechtschreibreform und Verfassungsrecht: schulrechtliche, persönlichkeitsrechtliche und kulturverfassungsrechtliche Aspekte einer Reform der deutschen Orthographie. Tübingen, 1995. На них я и опираюсь в этом и следующем абзацах, хотя излагаемые тут сведения содержатся и в любой историко-лингвистической работе по этому периоду.

³⁶ Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm: Nachdr. der Ausg. Leipzig 1893. München, 1984. Bd. 1. Sp. LI–LXIII.

³⁷ Weinhold K. Ueber die deutsche Rechtschreibung // Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien. 1852. S. 93 u. folg.

³⁸ См.: Kopke W. Op. cit. S. 6 u. folg.

³⁹ Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 13. Sp. 1364; Bd. 14. Sp. 429; Bd. 15. Sp. 1708.

⁴⁰ 1 декабря 1876 г. был основан “Всеобщий союз в поддержку введения простой немецкой орфографии”, переименованный впоследствии во “Всеобщий союз в поддержку упрощенного правописания” (Allgemeiner ferein für vereinfachte rehtsreibung). Основатель союза Ф.В. Фрике выпустил “Призыв к созданию национальной орфографии для объединенной Германии” (Aufruf zur beschaffung einer nazionalen ortografi für das geeinigte deutschland). На 1884 г. организация насчитывала более 2 тыс. членов, большинство которых составляли учителя. См.: Bramann K.-W. DER WEG ZUR HEUTIGEN RECHTSCHREIBNORM: Abbau orthographischer und lexikalischer doppelformen im 19. und 20. jahrhundert. Frankfurt a. M.; Bern; N.Y., 1987. S. 92 u. folg.). Таким образом, открытые приверженцы этой радикальной фонетической реформы насчитывали менее 4% от общей численности преподавателей. См.: Wehler H.-U. Op. cit. Bd. 3. S. 404. Уста-

- новить их процент от числа учителей немецкого языка представляется почти невозможным, так как почти все учителя вели по несколько предметов.
- 41 *Schlaefler M.* Grundzüge der deutschen Orthographiegeschichte vom Jahre 1800 bis zum Jahre 1870. S. 276 u. folg., здесь S. 291.
- 42 К этому и следующим абзацам см.: *Wehler H.-U.* Op. cit. Bd. 3. S. 401 u. folg.
- 43 Ситуация изменилась с приходом “новой эры” в начале 60-х годов XIX в.: преподавание немецких классиков в педагогических семинарах было снова разрешено, посещение “Всегерманского собрания учителей” – тоже; в 1871 г. были созданы “Германский союз учителей” и “Земельный союз учителей народных школ Пруссии”.
- 44 См.: *Kitchen M.* The Army and the Civilians // The Political Influence of the Military. A Comparative Reader / Ed. A. Perlmutter, V.P. Bennett. New Haven; L., 1980. P. 90–95.
- 45 См.: *Wehler H.-U.* Op. cit. Bd. 3. S. 406–412.
- 46 Stadtarchiv Göttingen, Bestand Max-Planck-Gymnasium, “An die Eltern der Zöglinge des Gymnasiums Göttingen”. Juli, 1848.
- 47 *Kaelble H.* Soziale Mobilität und Chancengleichheit im 19. und 20. Jahrhundert. Göttingen, 1983. S. 188 u. folg. Ср. иной взгляд в кн.: *Lundgreen P., Kraul M., Ditt K.* Bildungschancen und soziale Mobilität in der städtischen Gesellschaft des 19. Jahrhunderts. Göttingen, 1988.
- 48 *Андерсон Б.* Указ. соч. С. 98.
- 49 См.: *Хобсбаум Э.* Указ. соч. С. 187.
- 50 К данному и следующим абзацам этого раздела см.: *Матвеева А.Г.* Указ. соч.; *Шульце Х.* Указ. соч. С. 111–119.
- 51 *Wehler H.-U.* Op. cit. Bd. 3. Passim.
- 52 Наибольшую известность получило требование императора Вильгельма, чтобы средняя школа воспитывала “молодых немцев с национальным образом мысли” (1890). См.: Rede über die Reform höherer Schulen. 4. Dezember 1890 // Reden Kaiser Wilhelms II. Zusammengestellt von Axel Matthes. München, 1976. S. 30–40.
- 53 Не случайно песня М. Шнекенбургера “Стража на Рейне”, написанная примерно в одно время с “Песней немцев” Фаллерслебена, но гораздо более воинственная по содержанию, на много десятилетий вытеснила ту с позиций неформального национального гимна. См.: *Шульце Х.* Указ. соч. С. 86; http://www.von-fallersleben.de/cms/modules.php?name=News&new_topic=7; <http://ingeb.org/Lieder/heildiri.html>; *Gans R.* Erfahrungen mit dem Deutschunterricht. Eine Analyse autobiographischer Zeugnisse im Zusammenhang mit der Geschichte des Bildungsbürgertums im 19. Jh. // Muttersprachlicher Unterricht im 19. Jh: Untersuchungen zu seiner Genese und Institutionalisierung / Hrsg. H.D. Erlinger und C. Knobloch. Tübingen, 1991. S. 9–60, здесь S. 12 u. folg.
- 54 Говорить о *лоббировании* было бы неуместно, так ни формальная, ни неформальная репрезентация интересов этой группы практически не была организована.
- 55 См.: *Zimmermann C.* Von der Wohnungsfrage zur Wohnungspolitik. Die Reformbewegung in Deutschland 1845–1914. Göttingen, 1991.

- ⁵⁶ См.: <http://www.dhm.de/lemo/html/kaiserreich/alltagsleben/paedagogik/>
- ⁵⁷ *Wilmanns W.* Die Orthographie in den Schulen Deutschlands: 2. Aufl. В., 1887. S. 18. Такое же распоряжение выходило в Австрии в 1854 г.
- ⁵⁸ См.: *Kopke W.* Op. cit. S. 8 u. folg., 18 u. folg., и особ.: *Bramann K.-W.* Op. cit. (там же библиогр. данные словарей и справочников).
- ⁵⁹ *Kopke W.* Op. cit. S. 9 u. folg.
- ⁶⁰ Verhandlungen der zur Herstellung größerer Einigung in der deutschen Rechtschreibung berufenen Konferenz. Berlin, den 4. bis 15. Januar 1876. S. 111; *Kopke W.* Op. cit. S. 15 u. folg.
- ⁶¹ *Bramann K.-W.* Op. cit. S. 86 u. folg.
- ⁶² *Kopke W.* Op. cit. S. 28–32.
- ⁶³ *Ibid.* S. 323.
- ⁶⁴ *Ibid.* Passim.
- ⁶⁵ Stadtarchiv Göttingen, Alte Hauptregistratur, Bestell-Nr. AHR I D 1, 6 Nr. 9. Magistrat der Stadt Göttingen. Acta betreffend Anstellung eines besonderen Schreiblehrers an den Volksschulen sowie den Schreibunterricht überhaupt. 1883–1886. Königliche Regierung, Abtheilung für Kirchen und Schulwesen. Schreiben an die Herren Kreisschulinspectoren des Regierungs-Bezirks, das Königliche und Gräfliche Consistorium zu Neustadt u/H, an den Magistrat in Goslar und den Herrn Landrabbiner Dr. Guttman in Hildesheim vom 6. October 1886. J. No. II. 7294.
- ⁶⁶ Например, на первой Орфографической конференции 1876 г. предложение перейти с “готического” шрифта на “антикву” было отклонено на том, в частности, основании, что “этот шрифт объявлен врачами вредным”. См.: Verhandlungen der zur Herstellung größerer Einigung in der deutschen Rechtschreibung berufenen Konferenz. S. 111.
- ⁶⁷ Знакомство с архивными рукописными материалами конца XIX – начала XX в. показывает, правда, что даже школьные преподаватели, ответственные за обучение детей этому шрифту, сами отнюдь не всегда писали “немецкими буквами”, а использовали зачастую латинский курсивный шрифт, подобный тому, каким пользуются в других странах.
- ⁶⁸ См.: *The Invention of Tradition / Ed. Hobsbawm E.J., Ranger T.* Cambridge, 1983.
- ⁶⁹ См.: *Grimm J.* Op. cit. Bd. 1. Sp. LI–LXIII.
- ⁷⁰ Hauptstaatsarchiv Stuttgart Bestand E 130b – Staatsministerium, Bestellnummer (Buschel) 1829 – “Bund für deutsche Schrift”: 1921–1942.
- ⁷¹ *Küppers H.-G.* Orthographiereform und Öffentlichkeit. Düsseldorf, 1984. S. 110. При Гитлере, кстати, была объявлена (1944) и значительная орфографическая реформа, направленная на упрощение и “онемечивание” правописания. Но из-за военных действий и последовавшего вскоре крушения нацистского режима закон о реформе практически не вступил в действие и был забыт. См.: *Kopke W.* Op. cit. S. 36 u. folg.
- ⁷² Franckesche Stiftungen Halle/Saale. A, IV, 21. Conferenz-Buch der Knaben-Bürgerschule: Ostern 1892 – [1913]. 3. Konferenz, den 24. August 1911. S. 472 u. folg.
- ⁷³ Franckesche Stiftungen Halle/Saale. Knabenbürgerschule, 9. 2. 2. Konferenzprotokolle A, IV, 7 Protocoll-Buch für die Lehrer-Conferenzen an der Knaben-Bürger-Schule von 13/4 1864 bis 10/4 1875. Konferenz am 18. August 1866.

- ⁷⁴ *Siebs Th.* Deutsche Bühnenaussprache: Ergebnisse der Beratungen zur ausgleichenden Regelung der deutschen Bühnenaussprache, die vom 14.–16. April 1898 im Apollosaale des Königlichen Schauspielhauses zu Berlin stattgefunden haben. B.; Köln; Leipzig, 1898.
- ⁷⁵ Ibid. S. 5–10.
- ⁷⁶ *Krech E.-M.* Probleme der deutschen Ausspracheregung // Beiträge zur deutschen Ausspracheregung / Hrsg. H. Krech. B., 1961. S. 9.
- ⁷⁷ См.: *Лобанова И.В.* Немецкая фонетическая лексикография: от истоков к современности (<http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/4/LOBANOVA.htm>).
- ⁷⁸ *Копке W.* Op. cit. S. 22 u. folg.
- ⁷⁹ Сведения и цитаты в этом абзаце – из указанной работы В. Копке: Ibid. S. 23–26.